

Говоря о процессах, формирующих духовный облик современной России, следует специально заметить: в нашем культурном пространстве ещё сильны и во многом демонстративны вчерашние фактические приоритеты, а тенденции к обновлению творческой практики в литературе и, особенно, в театре не являются широким художественным фронтом, но, скорее, напоминают проблески солнца на однотонно сером угрюмом небе.

Всё так же беззаботны в своём выборе лауреатов российские литературные премии. Как и прежде, книжные полки реальных и сетевых магазинов завалены беллетристикой, которой интересны не грозные геополитические перемены в мире и судьба корневого русского человека, но частные истории с социально-психологическим оттенком — они и составляют основной массив книгоиздательской продукции. Именно так, подчеркнуто технологически, стоит определять результат неуёмной деятельности подавляющего большинства отечественных издательств.

Несомненно, специальная военная операция сделала более требовательными и пожелания думающих и ответственных читателей — думающих о смысле происходящего в окружающем мире и ответственных за семью, родную землю, традиционную русскую культуру. Издаются произведения-свидетельства о военном времени, о схватке с тёмной силой, которая являет себя в боевом и социальном обиходе, в конкретизации и альтернативном понимании онтологически безусловных Добра и Зла. Однако минувшие тлетворные в культурном и нравственном очертании десятилетия до такой степени переполнили уже привычной имитацией искусства современный социум, что даже и сегодня действительно достойные книги прозы и поэзии представляются лишь отдельными островками в буржуазном словесном болоте, в которое, увы, превратилось многоцветное и многопредметное литературное поле когда-то самой читающей страны в мире.

Вглядываясь в поэзию и прозу настоящего дня, почти всегда обнаруживаешь отчётливое разделение литературы по линии «русского начала». В одних произведениях (и сегодня они активно присутствуют в информационной среде, чего не скажешь о прошлых литературных сезонах) отношение к отечественной истории и культуре, к воспитанию молодого поколения узнаваемо-традиционное, — можно даже не подчеркивать определение «русское». Здесь есть мера высказывания и взвешенность суждений и изображений, ответственность перед правдой и личной совестью, и уже это связывает укоренённые русские вехи с более обширными понятиями — доброты и мужества, самопожертвования и любви, чистоты и затаённого счастья...

В других книгах подобные акценты воспринимаются как риторика, а приобретают вес и значение частные предметы и устремления только потому, что они вписаны в индивидуальное существование вполне конкретного персонажа, для которого всё иное, чужое и самостоятельное, экзистенциально не существует. Особенно этот феномен проявляется в буржуазно-либеральной поэтической практике.

Понимая такие два вектора как отражение полярных ответов на вызовы времени, неизбежно приходишь к достаточно красноречивым характеристикам постсоветской эпохи: более четверти века Россия существовала с попанной и проданной за гроши душой, и только несколько лет как ситуация начала меняться, и ранее спрятанные, словно «немые» высокие слова снова не только обрели звучание в культурном пространстве, но и стали очень часто про-

износиться спокойно, без трибунного накала, обозначая нечто должное — и очевидное для всё большего числа наших современников.

В этих противоречивых обстоятельствах встречаются и ситуации, когда некий «творческий продукт», обозначаемый как патриотический и гражданственный, на самом деле является очередным клоном всё той же беспочвенной и безродной литературы, где дурман антирусской риторики закамouflирован, порой даже без особенного авторского старания.

В таком контексте иные фигуры «токсичного», как принято сейчас говорить, содержания, в реальности совсем не изменяя давним собственным установкам, просто произносят идеологически «правильные» слова. Лет пятнадцать тому назад Александр Проханов в газете «Завтра» с печальной иронией заметил, что однажды мы увидим Чубайса в косоворотке и Новодворскую с балалайкой. Очевидно, время такое пришло. В театре наглядный пример того — Константин Богомолов с его барабанными патриотическими тезисами и спектаклями, откровенно разрушающими русскую драматургическую классику.

Итак, литературный процесс в современной России предстаёт как вереница очередных книг, издательских рекомендаций и премиальных отличий авторов, чьи имена в широком читательском обиходе появились ещё вчера. И дополняется проходными дебютными произведениями писателей, о которых мы ранее не слыхали, сегодня увидели на книжной витрине, а назавтра... благополучно о них забыли. Издательства раз за разом предлагают читателю не новое слово о действительности, а очередную более-менее живенько рассказанную байку того или иного «текстостроителя».

Между тем существует целый пласт прозы и поэзии совсем иного достоинства. Он отражает саму нашу жизнь, а вовсе не стремится продемонстрировать умение автора складывать случайные слова в «прикольные» фразы и весёлые, житейски узнаваемые истории. В толстых литературно-художественных журналах подобных писательских имён и произведений, написанных не от внутренней скуки, а от жажды назвать и понять настоящее время, немало. Разумеется, речь идёт не о тех изданиях, что кормились с руки Сороса.

А потому в нынешние месяцы и годы нам важно вновь обрести национальное, отечественное литературное пространство, где найдут отражение картины реального мира и движения души современного человека, его отклики на важнейшие события, рядом с которыми автор дышит и существует. И на этой почве позже возникнут яркие имена и книги, преодолевшие злобу дня, которые станут приметой будущего.

Есть две вещи в современной литературе, как бы разрешающие читателю относиться к ней с известным недоверием.

Первое, как ни парадоксально — умение и привычка автора писать. Умение и привычка. Данное двуединство, самоповторное и самонадеянное, порой называемое литературным профессионализмом, на деле довольно часто не позволяет писателю и поэту создать подлинное художественное чудо.

И второе обстоятельство, в противоположность названному, — это неспособность или нежелание пишущего преодолеть свою филологическую и творческую слабость и подняться до упомянутого профессионализма. Чтобы затем, отринув его, — предстать новым, неожиданным прозаиком или поэтом. Яркий пример похожего преображения в нашей литературе есть: так постоянно обновлялся в своём творчестве Александр Блок, у которого стилевые и интона-

ционные приметы в произведениях разных лет иной раз поразительно отличаются друг от друга.

Недоверие читателя к писательскому слову потом непременно уйдёт, если будет воссоздано уже обозначенное литературное пространство — в чём-то первичное, но и повторное, будто нарушающее древнюю мысль о том, что нельзя войти в одну и ту же реку дважды. Русская литература в разные эпохи отступала от своих вчерашних основ, но позже возвращалась к почти забытым старым урокам, обретая в том новую творческую силу и новый ясный взгляд на русский быт, на русское бытие.

Повторим ещё раз: современная отечественная литература в минувшие десятилетия была заморожена чуждыми русскому мировосприятию буржуазными установками. В поздние советские годы, ещё до слома политических основ нашего государства, появился сомнительный филологический термин «амбивалентный человек», подразумевающий в герое соединение хороших и плохих свойств. Тогдашнему писателю предстояло разобраться в том, почему социум неуклонно теряет собственные творческие силы, и понять, как сохранить общественное единство, не столкнув лбами «честных созидателей» с лукавыми эгоистами и персонами с разрушительным складом ума. Увы, в новые капиталистические десятилетия российские литераторы сосредоточились не на поисках истины, а на изображении тьмы в человеке. Однако такой путь не приближает нас к Свету и, напротив, способствует распространению и утверждению зла на земле.

Именно потому — даже не рационально, а скорее, бессознательно и интуитивно — русские писатели настоящего времени как за спасительную соломинку ухватились за уже почти не звучавшие в замутнённой ноосфере, растоптанные в буржуазной России понятия: добра и чистоты, подвига и самопожертвования. И внезапно возник своего рода резонанс: литература обращается к высокому — а читатель, в свою очередь, требует от неё именно такого творческого выбора.

Не вчера появилась в нашей литературе проблема взаимоотношений «отцов» и «детей». Но и сегодня в ней «отцы»-почвенники жаждут обрести продолжателей своего творческого дела в «детях», что придут на смену. Зрелость старшего поколения писателей во многом обусловлена целым рядом общественных и личностных сломов, которыми отличалась общественная жизнь едва ли не за полувековой — нет, почти за вековой период. Прививка нравственности и внутреннего долга определённо дисциплинирует художественный талант. Между тем, после разрушения советских идеологических скреп в «поколении отцов» произошли некие внутренние душевные переустановки. Эти изменения настойчиво внедрялись захватившим командные позиции в культуре буржуазным социумом. А он принялся внушать свои идеи писательскому сообществу и предъявлять к творцу новые требования: привычку быть только профессионалом, никому ничего не должным, за исключением издателя, отношения с которым жёстко прописаны в договорных бумагах. Это поветрие развратило многие сердца, притом что речь идет о людях, поживших на белом свете и всякое повидавших на своём веку.

Иное дело — молодое поколение. Не знавшее живого подвижничества советских лет, оно с голодным энтузиазмом глотало последовательно вбрасываемый информационный мусор с обозначением «тяжкое социалистическое прошлое». Но личного опыта проживания прежней эпохи не было, и так часто повторялось в разных ситуациях: «Они же дети...». Дети, рождённые и воспитанные в иные времена, которым не пришлось меняться — и они как с чистого листа

теперь воспринимают «капиталистический рационализм» в качестве единственно возможного образа поведения.

Время движется, и действующее сообщество современного литературного поля меняется. Сегодня постепенно уходит плеяда писателей-стариков — очень пёстрая, но авторитетная и художественно состоятельная... О наследующих им лучших авторах полувекового возраста мы думаем с уважением. Однако с некоторым усилием вписываются их имена в категорию мастеров — прежде это творческое «взросление» и самостояние было более естественным и постепенным... Не обретшие в изменчивом социальном бытии внутренней опоры «молодые литераторы» сорока лет от роду, зачастую литературно одарённые, мечутся в поисках значительной темы. Но филологическая всеядность мешает многим из них создать произведение, где будет больше внешнего мира, бескрайнего и драгоценного, чем душевного смятения, изнурившего западную литературу предыдущего столетия... И, наконец — «зелёная молодёжь», среди которой присутствуют дарования яркие, но пока — никак не последовательные, не обладающие православным стоицизмом и психологическими устоями человека твёрдого, знающего цену родовой памяти... Дай Бог обрести их.

Современное устройство общества потребления, алчно настроенное на поглощение мира России — Русского мира, неуклонно стремится изменить духовную ситуацию в худшую сторону и в культурной, в писательской среде, разными способами оказывая давление на всех и на каждого. В наши дни военные действия в украинском регионе, на западной окраине нашей страны разрушают это пагубное влияние. Появляются новые литературные голоса. Они звучат искренно, живо, сострадательно и мужественно, что рождает надежду и, одновременно, предчувствие новых испытаний.

Кажется, перед нами — время переустройства русского творческого духа. И его пока ещё скрытой грядущей схватки с чудовищами либерального образца. Хочется верить, что измученная, во многом изуродованная отчая земля обретёт когда-то мир и чувство спокойно текущего времени. А умный и совестливый современный писатель станет понимать и утверждать себя русским художником в родном отечестве.